Животворящее безумие

Моск. правда. – 2001. – 12 окт. – с. 2

Шесть лет назад среди множества репортажей о чеченской войне по телевидению прошел сюжет о том, как оставленный медперсоналом интернат для душевнобольных на чечено-ингушской границе зажил самостоятельно. В этой трагикомичной ситуации, отражающей парадоксальность нашего времени, известный кинорежиссер *Андрей КОНЧАЛОВСКИЙ* увидел историю для создания своей будущей картины. Вместе с группой журналистов наш корреспондент *Елена КУРБАНОВА* побывала на съемочной площадке, окунулась в атмосферу «дома дураков» - именно так будет называться будущая картина - и побеседовала с режиссером.

- Я снимаю трагикомедию, - **рассказывает Андрей Сергеевич.** - Сценарий был написан мною в 1995 году. Что тогда по большому счету взволновало? Если раньше в нашей стране человек всеми силами стремился вырваться из дурдома на свободу, то теперь настали времена, когда люди хотят спрятаться здесь, потому что это – самое безопасное место.

- Ходят слухи, что вы изначально хотели назвать картину «Полет над гнездом кукушки. XXI век». Правда ли это?

- Драму Милоша Формана с моим фильмом роднит лишь место действия - психиатрический интернат. Новое время расставило акценты совсем по-другому, конфликт оказался перевернутым «с ног на голову». У меня возник вопрос: где же творится настоящее безумие - в стенах психинтерната или за его пределами, и кого в наши дни нужно считать ненормальным?

- События фильма напрямую будут привязаны к Чечне?

- Нет, мне не хотелось бы привязывать фильм «Дом дураков» именно к чеченской войне. Ведь подобная история могла случиться и в Косово, и в Руанде, и в Нагорном Карабахе - в любой стране, где идут боевые действия. Я снимаю о том, как действует человек в нестандартной ситуации. Случается, что бедные умом люди могут быть очень богаты сердцем. Это еще заметил Фазиль Искандер.

Короче, я в свое время заслал на место действий съемочную группу, которая сняла на видео интервью с реальными людьми в этом интернате. И знаете, что меня тогда поразило? Меня поразило то, что те, кто должен был находиться под постоянным присмотром врачей, сами смогли великолепно организовать жизнь и себе, и другим пациентам, которые были не в состоянии это сделать. В то время, как те, которые считаются нормальными и не находятся ни в каких заведениях, очень часто не способны организовать эту нормальную жизнь.

Конечно, психиатрическая клиника в районе боевых действий оказалась абсолютно универсальной темой для фильма.

- А как шла работа над сценарием? Есть ли у героев реальные прототипы?

- Герои - почти все выдуманные, и в болезнях я тогда еще особенно не разбирался. Но потом я дал прочитать материал врачам-психиатрам, и они его подкорректировали.

Но вот в центре фильма у меня находится героиня Жанна. Это - реальный характер. Я знаю Жанну лет двадцать. Она мне до этого звонила лет пять и всегда молчала в трубку. Когда человек звонит и молчит в трубку в три часа утра, бывает очень тяжело наладить диалог... Но потом она начала постепенно рассказывать про свою жизнь. Мы стали разговаривать. Оказалось, что это - замечательная и интересная женщина, хотя я ее так никогда и не видел.

Я искал применение этому характеру в кино, вставил его в Америке в один свой фильм. И вот сейчас эта самая Жанна и стала главной героиней. Женщина молодая, она себя считает «Христовой невестой», но сублимирует не на Христе, а на рок-звезде эстрады. На эту роль мы пригласили известного во всем мире исполнителя Брайана Адамса. Это - человек, которого Жанна по сценарию ждет, и который, между прочим, ждет ее. Собственно, это и дает ей энергию жизни.

- Таким образом в фильме появился Брайан Адамс... А ваш выбор сразу пал на него?

- Брайан Адамс является в фильме своеобразным ангелом-хранителем. Он по сценарию появляется в этих стенах, в клинике. Но мой выбор вначале пал на Хулио Иглесиаса. Причем он сказал нам «да», но затем не смог приехать, так как начал записывать диск в те сроки, на которые пришлись съемки. Затем «да» сказал Стинг. Но, узнав, что придется играть самого себя, отказался. Он мне долго доказывал, что самого себя не может играть. На любую другую роль он был согласен. Я же ему говорил: «Балда, ты должен играть себя, ты должен играть икону». Но он сказал: «Не смогу». И тогда возник Адамс. Причем, к нашему удивлению, он принял наши финансовые условия сразу, не торгуясь.

- Сумму, за которую снимается мировая звезда у Андрея Кончаловского, назовете?

- Конечно, нет. Это - коммерческая тайна.

- Тогда давайте вернемся к девушке Жанне...

- Я делаю попытку увидеть мир глазами этой девушки, в общем-то ребенка. То есть в чем же она в нашем представлении ненормальна? Ведь вокруг полно сумасшедших, которые ведут себя вполне естественно. Вот тут-то и возникает явный конфликт. Он - явный, он нам и интересен.

- А почему вы так долго не снимали?

- Я отдал в свое время сценарий Георгию Шенгелая и еще коекому. А затем уехал снимать «Одиссею». Но никто из постановщиков не откликнулся. И я очень рад этому обстоятельству, так как решил, что буду снимать сам. Работаем мы вместе с оператором Сергеем Козловым, которого вы хорошо знаете по «Одиссее». Он снимал картины «Лимита», «Мама», «Подмосковные вечера». Работал с молодыми режиссерами новой русской волны.

- Как вам удалось добиться разрешения снимать в психоневрологическом диспансере № 26?

- Это огромная удача и огромное для нас облегчение - снимать в реальной обстановке, ничего не воссоздавая искусственно. Просто дирекция диспансера поняла главную мысль моей картины и дала нам возможность не просто работать в этих реальных стенах, но и пригласить на съемки девять дееспособных пациентов. Этот интернат - не клиника, где они проходят лечение, а дом, где люди живут постоянно.

- Я читала обе ваши книги «Низкие истины» и «Возвышающий обман». Очень приятно было узнать в исполнительнице главной роли актрису Юлю Высоцкую. Я помню некоторую пронзительно-болезненную нотку в вашем рассказе о красивых и в то же время непростых отношениях с ней. Но вы вообще из многих жизненных ситуаций выходили победителем...

- Действительно, Юлия Высоцкая по случайному совпадению - моя жена. Она провела два месяца в этом интернате до того, как мы стали снимать здесь. Я понял, как ей будет сложно не вырываться из общей массы, слиться с этим кругом людей. Играть бедных умом людей очень сложно. Здесь своя особая органика существования... Больные называют Юлю Жанной, они к ней привыкли.

- А не боитесь ли вы разрушить этих людей после окончания съемок? Сейчас они - в центре внимания, под прицелом кино, фото и телекамер. А что с ними будет, когда вы уедете отсюда, и все их забудут? Не нанесет ли это удар по их психике?

- Я продумал этот момент. Конечно, они к нам привязались. Уезжать мы будем не сразу. Я собрался здесь снимать еще один, теперь уже документальный, фильм. Уходить будем постепенно...

- Если сравнить главную мысль картины, с которой она начиналась, и то, что получается сейчас, - разница есть?

- Всегда ведь, снимая фильм, начинаешь с одной мысли, а переходишь постепенно на другую. У нас снимаются многие замечательные актеры. Снимается Евгений Миронов в роли русского офицера, снимается целый чеченский курс из Института культуры. Ребята играют боевиков. Я узнавал ближе и ближе чеченскую диаспору, постепенно менялось отношение, менялся сам фильм. Когда я писал сценарий, разве я мог знать все то, что знаю об этих людях сейчас? Я писал какую-то фантазию. Я и сегодня еще - в поиске, и не знаю, что получится в итоге. Совсем не знаю. Я знаю только, что мне потом не должно быть стыдно за свою работу, и никому не должно быть обидно.

В процессе съемок я понял, что всех своих героев очень люблю - и русских, и чеченцев, и евреев, и армян, и татар. А сформулировал бы главную идею так: у каждого человека есть право на ошибку. И человек очень часто за эти ошибки платит. И плохие люди могут делать хорошие дела, а хорошие люди могут совершать плохие поступки. И мир не делится на хороших и плохих. Поэтому Достоевский говорил, что сердце человека - это поле битвы между добром и злом.

- А события в Нью-Йорке как-то отразились на вашем фильме?

- Как ни странно, главная мысль, которая у меня появилась после этой катастрофы, - необходимость понять всех, кто принимает участие в любой драме. И в том безумии, которое происходило в Нью-Йорке. И в тех событиях, которые происходят в стенах «дома дураков» и вне этих стен. Я думаю все чаще о том, что несчастный человек имеет право быть злым. Таким людям надо как-то помогать или хотя бы попытаться разобраться, что ими движет.

Я подметил одну очень важную и тревожную тенденцию, которая относится уже к болезням XXI века, а не XX. Я чувствую, как в России, так и во всем мире начинается тревожный процесс отторжения целых наций от цивилизации. Человек, который носит тюрбан, носит бороду или у которого черные глаза, начинает восприниматься миром, как враг. Это очень страшная опасность, и, повторяю, это опасность XXI века. Потому что из всех арабов только сотая часть - террористы. Так же как и из всех армян, ирландцев или басков.

Но есть опасность, что из-за этого может произойти неприятие целой культуры, той или иной расы, нации или национальности. И это - самое главное, чего человечество сейчас должно избежать.

Мне хотелось, чтобы фильм заставил задуматься зрителей над тем, что не стоит судить слишком быстро людей, находящихся вокруг.

- Когда же картина выйдет на экраны?

- Надеюсь закончить ее весной. Скоро я должен в Нью-Йорке ставить оперу «Война и мир» в «Метрополитен». После этого вернусь и закончу картину. Думаю, что успеем к Каннскому фестивалю. Картина маленькая. Бюджет - крохотный.

Финансирование осуществляется банком. Это не спонсорство. Я хочу вернуть все деньги, чтобы мне дали еще. А для этого нужно вернуть то, что уже взял. Поэтому мы стараемся держать бюджет, правильный ритм и не допускать перерасходов. Надеемся, что лента будет иметь еще и финансовый успех в мире.

Фото Дины РАДБЕЛЬ.

Кончаловский Андрей

12.10.01